

Вал. А. Булкин

ЗАМЕТКИ ПО ТОПОГРАФИИ НОВГОРОДСКОГО ДЕТИНЦА

В 2009 г. М. А. Родионовой был открыт, а в 2010–2012 гг. Архитектурно-археологической экспедицией СПбГУ совместно с Центром по организации и сопровождению археологических исследований НГОМЗ изучен храм Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце 1336–1337 гг.¹ Обнаружение этой постройки дало возможность задуматься о ряде вопросов топографии новгородского Детинца и предложить некоторые размышления на эту тему.

1. Летописный «теремец» в новгородском Детинце

О теремце в новгородском Детинце летопись упоминает в 1336 г. в связи с постройкой церкви Входа Господня в Иерусалим: «Заложы владыка Василии церковь каменю Входу Иерусалима Господа нашего Иисуса Христа, гдѣ теремецъ былъ...»². Судя по летописному тексту, теремец находился на месте будущего храма, однако при раскопках 2010–2012 гг. его остатки не обнаружены. Если это сооружение действительно было расположено на месте церкви 1336–1337 гг., а не рядом с ней, то хорошо сохранившиеся полы XIV и XVII вв. надежно перекрывают предполагаемые остатки теремца, и их обнаружение крайне проблематично. Поэтому есть определенный резон попытаться на основе имеющихся данных письменных источников уяснить назначение и внешний облик постройки, ее тип и место в планировочной структуре Детинца. В научной литературе о возможном облике новгородского теремца пишет только Д. А. Петров – исследователь приводит мнение

¹ См. предварительные публикации по итогам археологических исследований: Родионова М. А. Архитектурно-археологические исследования ц. Входа в Иерусалим в Новгородском кремле // НиНЗИА. Вып. 24. Великий Новгород, 2010. С. 34–44; Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Родионова М. А. Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. в Новгородском кремле // НиНЗИА. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 84–93; Они же. Архитектурно-археологические исследования 2011 г. в кремле Великого Новгорода и Новгородском районе // НиНЗИА. Вып. 26. Великий Новгород, 2012. С. 50–59; Они же. Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // НиНЗИА. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 53–59.

² НПЛ. М.; Л., 1950. С. 347.

А. Л. Баталова, согласно которому теремец был «ротондоидальным сооружением, символизирующим ротонду храма Гроба Господня в Иерусалиме»³.

О теремах источники упоминают еще в домонгольское время. Эти упоминания редки, однако имеющейся информации достаточно для того, чтобы составить определенное представление о назначении построек с таким названием и их социальном статусе. Терем – это постройка светского, вероятно, жилого или представительного назначения, самостоятельная или входившая в состав княжеского дворца, значительная по высоте и, вероятно, ярусная по композиции. Так, например, упоминание о тереме встречается в Лаврентьевской летописи в 945 г. в сочетании с понятием «теремной двор»: «За святою Богородицею над горою дворъ теремныи, бѣ бо ту теремъ камень»⁴. Из поздних построек этого типа самая знаменитая – Теремной дворец в Московском Кремле. Архитектурно-археологические изыскания памятников домонгольского зодчества, систематизированные П. А. Раппопортом, позволяют утверждать наличие построек теремного типа в Чернигове, Смоленске, Полоцке. Это близкие квадрату основания каменных построек, за которыми закрепился небесспорный термин «терем»⁵.

Еще реже в письменных источниках упоминаются теремцы. Как правило, эти упоминания связаны с церковными постройками. Так, в «Хождении» игумена Даниила теремец не только упоминается, но и описывается: «Верху же над пещеркою сдѣланъ яко теремець красенъ на столпѣх, верху крѣголѣ и сребреными чешюями позлащенными покованъ»⁶. Облик теремца, его устройство и местоположение рисуется с полной определенностью. Это на четырех или более опорах (колоннах) постройка, завершенная куполом и украшенная сверху нарядным орнаментом – то есть это сень, которой отмечено почитаемое место⁷. «Сень» всегда «над», понятия терем и теремец связаны смысловыми оттенками с нарядностью и высотностью.

Исследуя архитектурное значение понятия «терем», К. А. Иностранцев отмечает сходство в названии и форме персидского «тарки» и древнерусского «терем». Это «разновидное перекрытие на четырех подпорах», строение с куполом, балдахин⁸. «Теремом великим» называется в «Путешествии новгородского архиепископа Антония в Царьград» ку-

³ Петров Д. А. О границе Владычного двора, Софийского буевища и Околотка в XIV–XVII вв. // *Он же*. Проблемы исторической топографии Новгорода (Архив архитектуры. X. Новгородские древности. Вып. 4). М., 1999. С. 55.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стлб. 55.

⁵ Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников (САИ. Е1-47). Л., 1982. С. 90, 94–95, 102.

⁶ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 34.

⁷ В «Хождении игумена Даниила» еще несколько раз упоминается слово «теремец», именно в значении «часовня над памятным местом», «сень» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. С. 36, 46, 48, 58, 74).

⁸ Иностранцев К. А. О «тереме» в древнерусском и мусульманском зодчестве // Записки отделения русской и славянской археологии. Т. IX. С. 35–38.

пол храма⁹. Афанасий Никитин называет «теремцом» зонттик, балдахин¹⁰; терем «серебрян», который Владимир Мономах хотел в 1115 г. поставить над раками Свв. Бориса и Глеба в новом каменном храме в Вышгороде – опять-таки род балдахина, сени¹¹.

В. И. Даль теремцом считает теремок, беседку¹². И. И. Срезневский распределил упоминания теремца в древнерусских источниках на три основные группы, согласно значению слова: 1) уменьшительное от слова «терем» (дворец); 2) сень; 3) часовня, небольшой храм без алтаря¹³. Приводимые исследователем источники позволяют считать, что основными значениями этого слова были «напрестольная сень», а также «часовня, стоящая на памятном месте», «киворий».

Из древнерусских построек последнего типа следует назвать Боголюбовский киворий XII в., сохранившийся лишь в виде восьмиколонного основания. Для нашей темы – это единственная архитектурная аналогия новгородскому теремцу¹⁴. Из живописных аналогий следует упомянуть изображения кивориев над престолом (изображение «Евхаристии» в Софии Киевской и Михайловском Златоверхом монастыре)¹⁵.

Возвратимся к новгородскому теремцу. Производное от «терема» название употреблено в уменьшительной форме, что позволяет считать постройку близкой к архитектуре малых форм. Из сказанного выше в новгородском «теремце» надо предполагать сооружение на четырех или восьми опорах, перекрытое куполом. По назначению – это сень над водосвятной чашей. Доказательство этому – летописное известие 1409 г., рассказывающее о строительстве в новгородском Детинце: «**Постави владыка Иоан теремецъ камень, идеже воду свящаютъ на всякыи мѣсяць**»¹⁶. Аналог новгородского теремца – Боголюбовский киворий.

Почему теремец был поставлен именно на этом месте? Вероятно, на мой взгляд, это непосредственно связано с символично-богословской функцией церкви Входа Господня в Иерусалим, ее назначением и планировочной структурой Детинца в целом и конкретно его северной части.

⁹ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С пред. и прим. П. Савваитова. СПб., 1872. Стлб. 72.

¹⁰ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 466.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стлб. 281.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1866. Т. 4. С. 751.

¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стлб. 951.

¹⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1961. С. 251–258. Н. Н. Воронин также рассматривает известные случаи употребления термина «теремец» в письменных источниках и приходит к выводу, что теремцом назывался киворий с шатровым покрытием (Там же. С. 255).

¹⁵ Об археологических следах напрестольных сеней – кивориев см.: Чукова Т. А. Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. СПб., 2004. С. 76–80.

¹⁶ НПЛ. С. 401. В 1341 г. владыка Василий поставил «теремь великыи» (НПЛ. С. 354), однако местоположение и функции этой постройки неясны.

Северная половина Детинца была средоточием духовной власти, она должна была восприниматься как город в городе, как Главное по отношению к неглавному, возможно, как образ Небесного Иерусалима по отношению к бытию более низкого ранга.

Местоположение «теремца», вероятнее всего, связано с необходимостью отметить вход на сакральную территорию, освященную именем Софии Премудрости. Водосвятная чаша с сенью над ней именно здесь была более всего уместна (рис. 1).

Рис. 1. Церковь Входа Господня в Иерусалим. 1336–1337 гг.
Вид с запада. На заднем плане арка Пречистенских ворот.
Фотография И. В. Антипова. 2012 г.

Идея входа на сакральную территорию получила вполне логичное с христианской точки зрения продолжение постройкой на месте теремца храма во имя Входа Господня в Иерусалим. Прежний смысл был тем самым не только закреплён, но и получил зримое, не подлежащее какому-либо иному толкованию, смысловое воплощение. Владыка Василий, паломник в Святую Землю, создал таким образом основную ось сакральной топографии новгородского Детинца, которая просуществовала много столетий. Вероятно, ко времени постройки храма следует отнести начальный этап существования крестного хода, связывающего

Софийский собор и церковь Входа в Иерусалим в единое символично-богословское целое¹⁷.

2. Главная улица и церковь Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце

О планировке Детинца и различных проблемах ее изучения имеется значительное количество работ, опирающихся на письменные, графические и археологические источники¹⁸. Скупые сведения письменных источников, недостаточность и фрагментарность археологических данных ставят ученых перед необходимостью создания гипотетических построений и осторожных обобщений. Это в первую очередь относится к ранней истории. Отметим, что преимущественным вниманием историков по очевидным причинам пользовалась северная часть Детинца с Владычным двором, Софийским собором и примыкающей к нему территорией, хотя и здесь больше поставленных вопросов, нежели полученных ответов¹⁹.

В результате раскопок церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. появилась возможность точно судить о местоположении средневековой постройки – храм находился значительно южнее одноименной церкви середины XVIII в., ближе к главной магистрали современного Детинца, идущей от Воскресенских ворот к Пречистенским. Именно этот сдвиг и послужил побудительным поводом к данным замечкам. Разумеется, также гипотетическим в значительной части.

Полагаю, что фактором чрезвычайной важности для формирования облика центральной части Детинца с XII в. был волховский мост, изначально связанный с крепостной стеной, точнее, с воротным проемом и каменным храмом во имя Положения Ризы и Пояса Богоматери (1195 г.)²⁰. Воротный проем и въезд на мост были жестко скоординированы строительной и функциональной логикой, они должны были находиться на одной прямой – это веление здравого смысла. Направление, заданное соотношением моста и проема снаружи, должно было получить такое продолжение и внутри города. Магистраль, по прямой соединившая мост, Пречистенские и Воскресенские ворота, видимо, в

¹⁷ Крестный ход впервые описан в Чине церковном архиепископа Великого Новгорода и Пскова, источнике середины XVI в. (*Голубцов А. П.* Чиновник новгородского Софийского собора. М., 1899. С. 256–257).

¹⁸ Изучением топографии Новгородского кремля в разные годы занимались В. Л. Янин, М. Х. Алешковский, А. В. Воробьев, С. Н. Орлов, С. В. Трояновский, Д. А. Петров, Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова и др. См. обзор истории изучения темы: *Трояновский С. В.* История изучения Новгородского кремля // НИС. Вып. 5 (15). СПб., 1995. С. 89–111.

¹⁹ См., например, статью И. В. Антипова в этом же выпуске НИС.

²⁰ НПЛ. С. 41–42.

XIII в. стала границей между северной и южной частями Детинца²¹, заключив Владычный двор, вечерую площадь и Софийский собор с прилегающей территорией в единое целое.

Выбор места для моста изначально, надо полагать, диктовался градостроительной ситуацией, и его место оставалось неизменным. Мост стал частью планировочной структуры Детинца. Произвольно изменить в двуединстве (мост – воротный проем) положение одного из этих компонентов было невозможно. Поэтому сложилась устойчивая система, которая, смеем думать, веками определяла направление основной магистрали Детинца. Ее особое значение заключалось и в том, что это был кратчайший путь к средоточию деловой жизни города – Торгу.

Улицы древнерусского города не отличались подчеркнутой прямолинейностью, равным образом, как и нарочитой кривизной и изломами²². Тяготение к прямой форме все же просматривается, а иногда и диктуется конкретной ситуацией, как в данном случае. На поздних изображениях и планах Новгорода трасса главной улицы Детинца лишена застройки²³.

Важный материал для нашей темы дает «Устав о мостех», датированный третьей четвертью XIII в.²⁴ Распределяя мостовую повинность между властями и различными группами горожан, Устав уделяет должное место и мощению главной магистрали. Улицу до Воскресенских ворот благоустраивали жители Чудинцевой улицы с «загородцы». Далее от ворот до «Острой городни» и «софьян» мощение улицы было обязанностью владыки с участием «изгоев». Восточная половина улицы проходила вдоль Софийского буевища, и ее мощение было в ведении «софьян». Похоже, что на долю владыки и «софьян» приходилось примерно по половине улицы, участок «софьян» мог быть несколько меньше.

«Острая городня» разграничивала два участка мощения. По В. Л. Янину, это название относится к северной городне моста через овраг, находившийся здесь на время составления Устава²⁵. Мост, скорее всего, был продолжением улицы, выходящей из Спасских ворот и пересекавшей южную часть Детинца с юга на север. Д. А. Петров по традиции именуется ее Пискуплей и трассирует до встречи с поперечной главной магистралью примерно в том месте, где находится Входиерусалимская церковь²⁶. Стыковка моста через овраг и главной улицы, скорее всего, носила «мягкий» характер, т. е. мост выходил на улицу под

²¹ *Петров Д. А.* О проблеме топографической интерпретации «Устава о мостех» // *Он же.* Проблемы исторической топографии Новгорода (Архив архитектуры. X. Новгородские древности. Вып. 4). М., 1999. С. 33.

²² *Кудрявцева Т. Н.* Композиция улиц древнерусских городов // АН. Вып. 33. М., 1985. С. 14–22.

²³ *Янин В. Л.* Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв. М., 1999.

²⁴ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 91–122.

²⁵ Там же. С. 101.

²⁶ *Петров Д. А.* О границе Владычного двора, Софийского буевища и Околотка в XIV–XVII вв. С. 53.

небольшим углом, направленным в сторону Пречистенских ворот. Городня по этой причине, возможно, получила несколько необычную форму, что и послужило поводом для ее названия.

Если предположение В. Л. Янина относительно моста и «острой городни» справедливо, то место встречи (пересечения) двух основных улиц могло быть обусловлено каким-то важным обстоятельством. Вдоль улицы от Воскресенских ворот к Пречистенским несомненно проходила ограда (стена), отделявшая Владычный двор, вечерую площадь и буевище от улицы и Околотка в целом. Благодаря этому северная часть Детинца смотрелась как «город в городе». Проем в центральной части ограды и мог стать причиной согласованного места встречи двух улиц, отмеченного «острой городней».

Именно этот вход (можно даже сказать «идея входа»), открывавший новгородцу путь к Софийскому собору, подсказал архиепископу Василию мысль построить здесь храм с должным посвящением. На месте будущего храма находился «теремец», видимо, киворий над водосвятной чашей, наподобие боголюбовского, также отмечавший вход на территорию Софийского дома (см. выше).

Замысел архиепископа Василия был, на наш взгляд, стимулирован вполне конкретными обстоятельствами: место для постройки церкви Входа в Иерусалим как нельзя лучше отвечало замыслу своим пограничным положением, существующий вход на территорию Софийского собора уже был отмечен киворием над водосвятной чашей, София в окружении городских стен и построек Владычного двора, отделенная оградой южной части Детинца, не могла не вызывать в сознании архиепископа образ Иерусалима – реального, запечатлевшегося в памяти после недавнего паломничества в Святую землю, и Небесного – символического, в силу обязательной установки христианского мышления. «Теремец» можно рассматривать предшественником храма не только по местоположению, но и по смыслу. Однако только с появлением храма этот участок обрел всю полноту христианского осмысления.

В заключение отметим, что среди главных деяний архиепископа Василия, оставшихся в истории новгородской культуры, видное место занимают так называемые Васильевские врата для Софийского собора. Вероятно, они должны рассматриваться как часть единого замысла (строительство церкви, ее роспись, бронзовые врата, София, ритуал «входа в Иерусалим»). В нижней части врат изображена библейская сцена «Радование царя Давида». Это изображение увязывается с личностью самого архиепископа, совершившего многосложное паломничество в Святую Землю и плодотворно потрудившегося на поприще христианского благоустройства родного города.